

Драко

Симфония Тьмы

Научно–фантастический кошмар

1– И

Сегодня я иду на охоту. Луна светит с небес, дует холодный ветер. Ночь прекрасна, она манит и завлекает, она поёт древнюю песнь, способную согреть кровь моим жертвам. Сегодня я иду на охоту. Я не так часто хожу на охоту, как многие думают. Я в достаточной степени независим. Но я люблю охоту. Лишь тот, кто бродил во тьме под луной, впитывая всей своей сущностью азарт выслеживания, тот кто способен ощутить запахи звёзд и сверкание воды в их холодном свете, поймёт меня. Но таких мало. Я не знаю ни одного, подобного мне. Хотя логика заставляет меня верить, что я не одинок.

Когда я иду на охоту, ночь узнаёт меня. Звёзды приветствуют меня тонким и холодным звоном, луна дарит мне покрывало из ледяных лучей. Холод – мой дом. Я не нуждаюсь в холоде, но он доставляет мне наслаждение. Я люблю холод.

Сегодня я иду на охоту. Я выхожу из дверей своего дома, и медленно иду по ночному городу. Вечером шёл дождь, и влажный асфальт матово блестит в лучах луны. Иногда я встречаю лужи, вода в них отчаянно рвётся к своим родителям – тучам... Я не отражаюсь в воде. Часто в такие минуты я думаю, кто я такой. Я не знаю, кто я такой. Я – разумное существо. Но я не уверен, что могу добавить к этому определению слово «живое». И ещё я хищник.

Я называю себя Аорт. Это слово ничего не значит. Но мне нравится, как оно звучит. Произнося своё имя вслух, я ощущаю приятное изменение в воздухе, окружающем моё тело. Вероятно, это связано с вибрацией горла при завершающем рычащем звуке. Впрочем, какая разница?...

Иду по тёмной улице, проходя под фонарями. Я знаю, что их свет не несёт тепла. И поэтому я люблю холодный свет ртутных ламп. Хотя, обычно я предпочитаю темноту.

Мои шаги гулко отражаются от каменных стен. Стены... Холодные каменные стены домов, укрывающие тёплые, горячие тела моих жертв. Я никогда не вхожу в дома. Те, кто ночью встретятся мне на пути – моя добыча. Ночь принадлежит мне, звёзды принадлежат мне, ветер принадлежит мне. Тьма принадлежит мне, я принадлежу тьме. Жизнь в домах мне не принадлежит.

Я чувствую взгляды. Люди смотрят из окон, провожая меня взглядами. Они всегда узнают, когда я иду на охоту. Я не знаю, как они узнают, но всегда. Они боятся меня. Они знают, что я никогда не вхожу в дома. Но всё равно боятся.

Скоро мне придётся уехать из этого города. Слишком многие уже поняли, кто я такой. Возможно, мне стоит сменить стиль. Но я не хочу его менять. Я получаю наслаждение, когда иду по ночным улицам города, а холодный ветер развивает мой чёрный плащ, и мёртвый стук моей трости заставляет холодеть кровь в жилах моих жертв. Я люблю холод.

Сегодня особенно тихо. Звонкое эхо шагов разбивается на осколки, впивающиеся в тело ночи, ранящие её нежную кожу. Я иду по пустым улицам огромного города.

Звук. За углом находится живое существо. Я не спешу. Ночь только началась. Поворачиваю за угол, вижу четверых мужчин. Они одеты в чёрные балахоны и держат оружие. Судя по их позам, они только что вышли из машины. Сама машина стоит у тротуара. Тёмно–синий «Линкольн», год выпуска определить трудно. Я втягиваю запах горячей резины, бензина и пота... Они ехали быстро. И они очень взволнованы. Смотрю на дом, куда хотели войти эти люди. Очень красивый трёхэтажный дом с большими балконами. Наверное, принадлежит богатому человеку. Во дворе замечаю две роскошные машины. Знакомое чувство проникает в меня. Люди поворачивают головы. Я вижу их глаза сквозь прорези масок, вижу их души сквозь прорези тел. Мгновения текут неслышно. Мы смотрим в глаза враг– врагу. Затем я улыбаюсь.

– Отличная ночь, не так ли, джентльмены? – я спокойно направляюсь к своим

жертвам. Я никогда, никогда не спешу. Время не значит для меня ничего.

Они пока не поняли. Продолжают смотреть на меня, медленно поднимают автоматы. Я иду к ним. Ночь охватывает меня шорохом тьмы, звёзды неслышно замирают, желая наблюдать за охотой... Ночь принадлежит мне.

– Кто ты такой? – самый высокий наконец решает спросить. Я улыбаюсь шире, они только теперь видят клыки.

– Меня зовут Аорт. Я намерен вас убить, джентльмены.

Третий слева не выдерживает. Сухой треск разрывает чары ночи, автомат снабжён отличным глушителем. Я ощущаю каждую пулю, вижу, как раскалённые капли мёртвого металла с визгом рвут ткань изумительного ночного воздуха. Пули тоже хищники, как и я. Встреча хищников происходит в серебряных лучах луны, мы ощущаем друг– друга, мы понимаем одни– другого... Нам незачем враждовать. Теперь стреляют все. Пули пролетают сквозь меня, выбивают искры из стен, из мостовой... На миг ночная улица заполняется феерическим зрелищем, словно тысячи звёзд танцуют ритуальные танцы над будущей могилой моих жертв. Я иду вперёд, улыбаясь.

Они не могут понять. Давным–давно, в другом городе, в меня стреляли из арбалетов. Тогда люди понимали быстрее, пытались убежать... Эти только отходят, заменяя магазины. Я улыбаюсь. Ещё немного.

Тот, кто спросил меня об имени, понял. Я вижу это по его глазам.

Пришло время.

Первым я касаюсь человека справа. Нежно запрокидываю жертве голову, он не сопротивляется. Никто и никогда не сопротивляется мне. Я касаюсь его шеи. Кровь человека горяча. Она бурлит в моих жилах, наполняя их жаром, прогоняя холод. Никакое наслаждение не сравнится с этим чувством. Я пью кровь жертвы, впитывая его жизнь, она присоединяется к моей. Я охочусь!

Тело человека содрогается от ударов пуль. Трое оставшихся кричат, продолжая стрелять. В домах зажигается свет. Смертные... Разве могут они затмить свет Луны?! Я бросаю первую жертву, раскидываю руки и кричу звёздам. Звёзды звенят мне в ответ. Ночь принадлежит мне, я повелитель тьмы, я охотник на жизнь!

Кровь остальных даёт мне меньшее наслаждение. Никогда, никому не понять

то чувство, что приходит к вампиру с первой кровью. Иногда я жалею, что одинок. Было бы так прекрасно иметь друга, способного слышать пение капель ночного дождя... Видеть танцы метеоров над колыбелью солнца, слышать песни звёзд, восхваляющих мать– луну! Охота завершена. Я иду по ночным улицам огромного города, и мёртвый стук моей трости разрывает шёлковый мрак каменных клеток. В жилах бурлит горячая кровь жертв, не давая холоду вновь овладеть моим телом. Это скоро пройдёт. Меня ждёт величайшее наслаждение, сравнимое только с Первой Кровью – когда холод начнёт медленно наступать, безжалостно изгоняя тепло из моего тела. Никто не способен понять меня. Я одинок под луной.

В такие минуты логика начинает подводить. Я теряю веру, что существуют подобные мне вампиры. Я не хочу думать об этом. Логика – моё спасение. Сегодня я буду всю ночь бродить по улицам, дыша ледяным ветром, слушая симфонию Тьмы. Завтра я покину этот город. Сегодня я ходил на охоту.

2– II

Сегодня я плыву на охоту. Тёмные воды океана мягко расступаются передо мной, мириады мерцающих звёздочек обтекают мою грудь. Планктон не имеет органов чувств, способных ощутить моё присутствие. Ночь прекрасна, вода нежна, запахи манят меня к себе, заставляя сердце биться сильнее. Сегодня я плыву на охоту.

Тёмные волны с чарующим плеском принимают меня в объятия. Серебристый свет луны освещает бесконечную гладь океана, лунная дорожка ведёт меня в вечность. Я плыву к горизонту.

Неуловимые потоки воды бережно ласкают мою кожу, завихряясь в спирали, и разглаживаясь вдоль стремительно меняющихся форму складок, дающих мне лёгкость и скорость в воде. Океан принадлежит мне.

Сегодня я плыву на охоту. Я не так часто охочусь, как это может показаться. Эффективность моего организма очень велика, я не часто нуждаюсь в пище. И я не люблю охотиться. Только тот, кто плавает в благоухающих водах ночного океана, кто способен ощутить зов Луны и поверить в достижимость горизонта, поймёт меня. Но таких мало. Я не знаю никого, подобного мне, и это меня печалит. Согласно логике, я

не могу быть единственным представителем своего рода, но я давно понял, что логика не всесильна. И тем не менее, надежда на встречу с другом никогда не покидает меня. Я живу в сверкающих водах, один под луной, и надеюсь. Но сегодня я плыву на охоту.

Я выплываю из своего дворца в затонувшей Атлантиде, и не спеша парю над тёмными горами. Вода приятно холодит кровь, сегодня хорошая ночь. Я люблю ночь. Свет не вреден мне, но тьма доставляет мне наслаждение. Ночь принадлежит мне.

Плыву сквозь потоки движения, всем телом ощущая мельчайшие изменения вокруг. Ночной океан полон музыки, мириады вибраций вместе рождают непостижимую симфонию Тьмы, которая никогда не повторяется. Я плыву мимо стай светящихся рыб, прокладывая путь сквозь поющие потоки жизни, взлетая к далёкому чёрному зеркалу поверхности. Меня никто не боится. Я часть своего мира, я его повелитель. Океан принадлежит мне.

Часто в такие минуты я думаю, кто я такой. Я не знаю, кто я такой. Я – разумное существо. Не уверен, что могу добавить к этому определению какое–либо слово – я не знаю, как назвать род, состоящий из меня одного. Я даже не знаю, кто я – он или она. Вероятнее всего, оно.

Я называю себя Нерей. Это слово я прочитал на постаменте статуи в затонувшем городе, где часто бываю. Статуя изображала могучего старца, задумчиво смотревшего на волны океана. Я вовсе не похож на человека, хотя часто вижу их. Они никогда не видят меня – я всегда скрываюсь в глубинах океана, пряча своё огромное сверкающее тело от их глаз. Не знаю, почему я так поступаю. И ещё не знаю, что привлекло меня в том образе Старца – я вовсе не ощущаю себя старым, хотя и знаю, что бессмертен. Не знаю, сколько мне лет. Да и какая разница. Сегодня я плыву на охоту.

Ночной океан расступается передо мной, я поднимаю голову на много метров над поверхностью. Воздух не так приятен как вода, но я могу с равным успехом дышать и им. Смотрю на звёзды. Они тихо звенят, рождая жалкое подражание могучей симфонии океана, пытаюсь наполнить воздух музыкой, желая ощутить восторг, внимая пению жизни. Звёзды... Как могут они затмить музыку волн?!

Вода принимает меня в своё лоно, и тихий плеск сопровождает моё

стремительное движение вперёд. Луна отражается в каждой из моих бесчисленных чешуек, превращая меня в феерическое зрелище, достойное кисти лучшего живописца Вселенной. Я плыву на охоту! Звуки... Недалеко от меня, в конце светящейся пентаграммы планктона возникает движение. Я слышу характерные звуки выдыхаемого воздуха. Дельфины...

Я никогда не охочусь на тех, кто дышит воздухом. Океан принадлежит мне. Подводные горы принадлежат мне. Лунная дорожка принадлежит мне, музыка волн принадлежит мне. Тьма принадлежит мне, я принадлежу тьме. Жизнь на воздухе мне не принадлежит. Чувствую их взгляды. Они всегда знают, когда я поднимаюсь на поверхность. Не знаю как, но всегда. Они называют меня Великим Змеем, и не боятся. Они знают, что не принадлежат мне.

Плыву мимо дельфинов, впитывая запахи жертв. Чувствую биение могучих сердец, проталкивающих синюю кровь по прозрачным сосудам. Всем телом ощущаю стаю огромных кальмаров, которые охотятся на рыбу. Я впитываю их запах, слушаю мелодию, присущую этим существам. Я готовлюсь к охоте.

– Сегодня ты избрал кальмаров? – спрашивает ближайший ко мне дельфин.

– Да.

– Скажи, встречал ли ты хоть раз кого-нибудь, сравнимого с тобой? Я медленно закрываю глаза, отдаваясь звукам, ощущениям, запахам, полям...

– Нет. Я одинок.

– Но почему бы тебе не отправится на поиски друзей?

– Не знаю. Я не верю, что найду.

– Если надежды нет –зачем тогда жизнь? – тихо спрашивает дельфин, и мне нечего ему ответить. Я уплываю от ответа, ныряя за добычей. Дельфины смотрят мне вслед, и я ощущаю их настроение. Они жалеют меня. Не понимаю, почему в душе я соглашаюсь с ними?.. Нежно сжимаю кальмара челюстями, принимая в себя его жизнь. Синяя кровь заполняет воду, искажая запахи, придавая симфонии Тьмы тревожные ноты. Я принадлежу тьме, я принадлежу смерти. Мне жаль мои жертвы.

Съедаю четырёх кальмаров, чувствуя ускорение пульса и повышение энергии, ощущая как кровь начинает бурлить в жилах. Я не знаю, какого цвета у меня кровь. Никогда не видел.

Волны звука разносят весть о моей охоте, и сразу океан оживает. Тысячи рыб вспыхивают красками, достойными вечного любования, я слышу торопливые разговоры акул и неспешные беседы громадных осьминогов. Оставшиеся в живых кальмары обсуждают моё сегодняшнее появление из тьмы глубин. Я не понимаю их языка, и это меня печалит. Кто знает, возможно я убиваю великих поэтов или учителей, музыкантов или вождей?...

– Почему ты всегда печален? – тот самый дельфин парит в лучах лунного сияния.

– Потому что моя судьба – прерывать судьбы других. – я пытаюсь объяснить ему причины своей печали.

– Это не только твоя судьба. – дельфин спокойно парит рядом с моей головой. Он меньше моего глаза.

– Сознание того, что я не единственный, не делает мою судьбу легче. – Тем не менее, прекратив охоту ты погибнешь, и тем самым лишишь мир единственного Великого Змея под луной... – он пытается меня утешить.

– Так ли уж важен этот Змей? – я лежу на поверхности не двигаясь, и смотрю на звёзды.

– Это можешь решить только ты.

– Я ни в чём не уверен.

– Тогда ты должен спросить, и получить ответ.

– У кого?

– Если ты неспособен спросить сам себя – найди равного себе, и задай вопрос.

Я улыбаюсь, потоком фосфоресцирующей воды дельфина переворачивает.

– А почему ты так уверен, что не равен мне?

– Я смертный. – просто отвечает дельфин.

И я ничего не могу возразить. Я плыву прочь от вопросов, скрываясь среди волн. Надо узнать имя этого дельфина. Сверкающая луна посылает холодный свет на воды принадлежащего мне океана, окрашивая их в цвет моей чешуи. Симфония Тьмы гремит в моей душе, наполняя сердце ликованием, заставляя всю мою сущность трепетать от радости бытия. И я понимаю, что не в силах лишиться себя подобного великолепия.

И я понимаю, что цена за наслаждение жизнью – смерть.

Завтра я отправлюсь на поиски равного, чтобы спросить.

Сегодня я плавал на охоту.

3– II

Сегодня я лечу на охоту. Бледный диск луны светит с небес, посылая мёртвенный свет на горы, принадлежащие мне. Ветры несут мириады миазмов, творя ароматный букет запахов, расправляющий столь непохожие на мои крылья. Сегодня я лечу на охоту.

Я редко летаю на охоту по ночам. Я предпочитаю делать это ранним утром, когда восходящее Солнце заставляет забыть обо всём кроме красоты, и мир замирает, встречая владыку Света, простирающего свою ослепительную длань над Вселенной. Я люблю смотреть на бушующий огонь Солнца, безжалостно разрывающий нежное тело Тьмы копьями своих лучей, подобно тому как я разрываю нежные тела жертв кинжалами своих когтей. Но Тьму я люблю не меньше – я дитя Тьмы. Лишь огонь люблю я сильнее ночи.

Когда я лечу на охоту, Тьма встречает меня огнём, и навстречу мне поднимаются блистающие деревья звёзд, горные пики лунных лучей, вулканы комет и метеоров. Я знаю, что такое звезда.

Я выхожу из своей пещеры, расправляя многометровые крылья, всей поверхностью перепонки ощущая ветры в ночи. Странные, тревожные мелодии рождают горы под бичом ветра, они стонут, миллионы лет изнывая под пыткой. Иногда горы приходят в ярость, и тогда содрогается земля, и вздымаются крутые пики, рождаясь в огне наперекор холоду ветра. Но ветер терпелив. Он сильнее гор, ибо владеет вечностью. И горы всегда терпят поражение, год за годом лишаясь острых граней и гордых вершин. Ветер – владыка земли, дитя небес. Я – повелитель неба.

Взмахиваю крыльями, рождая вихри. Каждым взмахом я пополняю семью ветров, я – их отец. Небо кидается навстречу, воздух стонет, пронзаемый трезубцем моего сверкающего тела. Небо принадлежит мне, я его владыка в ночи.

Часто в такие минуты я думаю, кто я такой. Я знаю, как меня называют все остальные. Дракон. Это слово не объясняет мне, почему в мире нет других драконов. Логика твердит, что я не могу быть единственным в роду, и я очень хочу ей верить. Если очень желать, событие может исполниться. По крайней мере, я в это верю. И мечтаю о друге.

Я называю себя Вулкан, потому что это самое верное воплощение моего характера из всех, которые я знаю. Я похож на вулкан своей необузданной, первобытной натурой, своей неспособностью контролировать ярость и гнев. Меня боятся все. Порой я и сам себя боюсь. Не уверен, что смогу сформулировать определение, кто же я такой. Некогда человек по имени Вольтер назвал сам себя «двуногим, без перьев». Я тоже без перьев, хотя имею четыре ноги и крылья. Называть себя «четвероногим, без перьев» я не хочу. Поэтому оставлю определение понятия «дракон» тому, кто захочет. Меня устраивает и это название.

Когда я взмываю навстречу серебру, льющемуся с небосвода, моя чешуя начинает сверкать подобно мириадам бриллиантов. Я похож на отблеск луны в океане, паря над землёй, пронзая чёрные тучи сиянием своих крыльев. Я – повелитель неба. Я одинок.

Рассекаю тьму над скалами. Воздух полон музыки сфер, симфония Тьмы гремит над миром, и я – дирижёр вечного оркестра. Я лечу на охоту!

Замечаю с высоты стадо горных антилоп. Они спят на каменистой площадке, несколько дозорных внимательно глядят по сторонам. Эта мера может спасти их от хищников. От меня спасения нет. Я – тёмная молния гор.

Хватаю двух антилоп, набираю высоту. Животные кричат и пытаются вырваться. Сдавливаю их когтями, ощущаю смерть своей добычи. Ничто не может сравниться с этим ощущением. Только тот, кто вонзал свои когти в нежное, полное жизни, трепещущее тело, и ощущал весь процесс ухода жизни, способен меня понять. Я очень люблю охотиться. Сажусь на уступе, вдыхаю солёный запах крови. Он смешивается с миллионами запахов гор, он вплетает свой непередаваемый аромат в венок по имени Жизнь. Ем.

– Доброй охоты, брат. – большой и очень тёмный орёл сидит на уступе рядом со мной. Я протягиваю ему нетронутое тело.

– Угощайся.

Он качает головой.

– Ты знаешь, я ем только свою добычу.

Я киваю, втягивая сладко–воздушный запах птицы. Я никогда не охочусь на имеющих крылья. Все жители неба – мои братья и сёстры. Но только орлы меня не боятся.

– В таком случае, я могу указать тебе место, где много пищи.

Орёл долго не отвечает.

– Ты самый могущественный из крылатых, Вулкан. – наконец говорит птица.

– Да, это так.

– Почему же ты ведёшь столь одинокую жизнь?

Теперь я долго не отвечаю. Ветер ласкает мои крылья, шевеля перья орла.

– Потому что таких как я больше нет.

Орёл поворачивает ко мне голову.

– Так не может быть, – спокойно замечает он.

– Знаю. Но тем не менее, это так.

– А ты искал?

Я долго смотрю на небо, где начинает занимать заря.

– Я просто знаю.

– Откуда?

– Откуда ты знаешь, где поймать восходящий поток? Ведь они невидимы.

Орёл не отвечает. Я опускаюсь на скалы рядом, мы молча смотрим на восход Солнца.

– Никакой восходящий поток не удержит тебя в воздухе, если ты не желаешь махать крыльями. – неожиданно произносит птица. Я молчу. Орёл расправляет свои коричневые крылья, готовясь взлететь.

Поворачивается ко мне, долго смотрит.

– Ты просто боишься найти равного, Вулкан.

Я закрываю глаза. Он слишком умён.

– Ты не прав. – глухо.

– Нет, я прав. Сейчас ты – повелитель неба. Владыка ночи. Отец ветров. С

появлением второго дракона, трон придётся делить. Резко встаю, стараясь не смотреть на орла.

– Доброй охоты.

– Тебе тоже, друг. Особенно тебе. Ибо скоро ты отправишься на самую большую охоту в жизни.

Он молчит.

– На охоту за своими страхами.

Я долго провожаю орла взглядом. Надо было узнать его имя. Завтра узнаю, перед тем как вылететь на поиски.

Сегодня я был на охоте. Но при этом оказался жертвой.

1– В

Он медленно, равномерно шагал по асфальту, и звук его шагов одиноко раздавался на пустынной дороге. На километры вокруг не было никого кроме ночи, и её созданий.

Он шёл много дней, не останавливаясь ни на миг. Он никуда не спешил, и шёл медленно. Впереди у него была вечность.

Длинный чёрный плащ развевался за плечами высокого, бледного человека с гладкими антрацитовыми волосами. Человек был одет в чёрный костюм, и сжимал в руке тонкую трость. В глазах человека светился покой.

Шоссе поднималось на холм, царила полная тишина. Лишь ветер шевелил траву, словно советуясь с ней по поводу странного прохожего. Светила луна, холодно сияли далёкие звёзды. Человек продолжал спокойно идти.

Он поднялся на холм, и впервые за много дней остановился. Медленно осмотрел грандиозные горы, клыками вонзающиеся в плоть неба, пьющие тьму из ночи, словно кровь из сердца. Тишина ощутимо сгущалась.

Впереди, у подножия клыкастых гор, лежал небольшой человеческий городок. Шоссе пронзало его насквозь, выходя за пределы, и впиваясь в плоть гор язвой туннеля. Немногочисленные деревья бесшумно раскачивались под луной. Ветер понемногу усиливался.

Человек долго смотрел на город, закрыв глаза. Зрение было далеко не основным его чувством. Он впитывал ауры жителей, их запахи, он слушал пение мрака, танцующего вокруг пятен света из окон домов. Он смотрел.

Час спустя, он медленно тронулся с места, и в тихую мелодию ветра вплёлся равномерный стук шагов, подарив музыканту метроном трости. Человек никогда не спешил.

Он прошел мимо крайних домов, не повернув головы. Его провожали внимательные взгляды собак и кошек, но никто не посмел издать ни звука. Человек, равномерно шагая, двигался по улице, и тьма с уважением расступалась перед своим повелителем. Ни один звук не нарушал великолепие холода.

Он приблизился к парку. Звук шагов изменился, под лакированными чёрными туфлями теперь похрустывал красный песок. Человек спокойно шёл меж деревьев, оставляя за собой страх и тишину.

Несколько минут спустя человек остановился перед скамейкой, на которой спал пьяный горожанин. Ночной гость долго смотрел на спящего, не делая попыток его разбудить. Но человек, очевидно, почувствовал холодный взгляд, и поднял голову. Ночной прохожий улыбнулся, садясь на край скамьи.

– Прекрасная ночь, не так ли?

– Кому как... – горожанин приподнялся, стряхнув с помятого костюма осенние листья. Он был невысок, коренаст. На лице виднелись следы буйной молодости, теперь лишь уродовавшие черты их обладателя. Горожанин был небрит, его волосы цвета соломы растрепались. Туфли не раз ремонтировались, а костюм был во многих местах неумело заштопан. Ночной прохожий видел во тьме всю жизнь этого человека. Жалкие планы, не выходящие за пределы городка, попытки сколотить состояние, борьба с самим собой, желающим пить, поражение. Он видел холодные ночи в забегаловках, дешёвую водку, хмурые взгляды бармена и ревность жены. Он слышал скандалы в давно желавшей ремонта квартире, ядовитые реплики соседей, презрение брата. Он знал о том случае, когда горожанин нашёл упавшего в обморок старика, и украл его кошелёк. Старик не дождался «Скорой» и умер на улице, а горожанин три дня пил на его деньги. Ночной гость видел всю жизнь своих жертв.

– Меня зовут Аорт. – он мягко коснулся человека, и тот внезапно ощутил

холод. Встряхнулся, шмыгнул носом.

– Рад видеть вас, мистер. Не найдётся ли у вас пары центов для несчастного пьяницы? – голос слегка задрожал.

– Я не ношу с собой деньги, друг мой. – Аорт печально следил за эмоциями человека. Он видел, как тот последовательно сменял надежду на безразличие, безразличие на слабый интерес, интерес на вялое желание спросить. Дождавшись этого, ночной прохожий ответил на незаданный вопрос.

– Я вампир.

Пьяница тупо смотрел на Аорта, пока слова хищника проникали в сознание жертвы. Хищник не удивился, встретив типичную реакцию.

– Ну да, конечно. Мистер, если вам надо поспать, скамеек много. Не мешайте старому человеку.

Аорт улыбнулся, касаясь губами запястья горожанина. Минутой спустя он поднял сверкающие глаза.

– Вы всё ещё не верите мне?..

Человек в ужасе смотрел на тонкий ручеек крови, струившийся на землю. Аорт чувствовал его ужас, непонимание, неверие и отчаянное нежелание верить.

– Господи, мистер, вы...

– Я отведал твоей крови, Питер Донован.

Он отшатнулся.

– Откуда вы знаете моё имя?..

– Я знаю всё о своих жертвах.

– Жертвах?!

Теперь он поверил. Аорт всегда с наслаждением ждал этого момента.

Он медленно придвинулся к Питеру.

– Смерть от клыков вампира – самая приятная смерть под луной, Пит.

Человек попытался вскочить, но взгляд Аорта усадил его обратно. По грязным щекам катились слёзы страха, руки тряслись.

– О господи, спаси меня... Мистер, не надо, молю!

– Почему ты отказываешься от дара, что я предлагаю тебе?

Он дрожал, пытаясь рухнуть на колени.

– Не убивайте меня, прошу вас!

– Зачем тебе жизнь, человек? Хочешь, я скажу, что будет, если я уйду? Ты проживёшь ещё три года, скитаясь в подворотнях, обыскивая свалки в поисках куска ткани. Ты будешь просить милостыню, и тебя изгонят из этого города – в маленьких городках не любят нищих. Ты будешь идти по дорогам, дрожа от холода и кашляя от дождя, а мимо будут пронесены машины, окатывая тебя холодной водой и безразличием. Два года спустя тебя посадят в тюрьму за бродяжничество, и там тебя будут пытаться. Затем тебя вышвырнут на улицу, приказав идти в приют для бездомных. Но к тому времени у тебя уже будет поздняя стадия туберкулёза, и ты умрёшь под забором роскошной загородной виллы начальника тюрьмы. Охотничьи псы обнаружат твой труп, они притащат тебя к порогу дома, и их отхлестают плёткой за это. Приедет старая чёрная машина, и горбатый старик крючьями затащит тебя в кузов. Тело твоё отвезут в морг, и студенты ближайшего колледжа разрежут тебя, изучая медицину на твоём дряблом трупе. Остатки сожгут, и ветер развеет зловонный дым, прибавив тебя к списку экологически вредных продуктов. Вот что ждёт тебя, Питер Донован, и вот от чего я хочу тебя спасти.

Пьяница стал совершенно белым, слушая мягкий голос Аорта. Вампир ждал, не делая попыток ускорить события. Он никогда и никуда не спешил.

– Мистер... Мистер, вы дьявол?

– Да.

Человек пал на колени.

– Я верующий, о господи, защити меня!

– Богов не существует, о смертный.

– Но как тогда можешь существовать ты?!

– Я не то, что вы знаете под именем дьявола. Я близок этому образу.

– Так кто же ты?

– Я вампир. Хищник. Хищники охотятся на жертвы, освобождая их род от больных и слабых, способных принести вред в своём потомстве. Я избираю своими жертвами только тех, кто не способен принести окружающим и себе ничего, кроме горя. Ты согласен, что неспособен вырваться за пределы порочного круга своих ограничений?

Питер рухнул на красный песок, содрогаясь от рыданий.

– Я исправлюсь, о господи, клянусь тебе! Я брошу пить, я найду работу, я стану образцовым мужем!

– Я не бог. Я дьявол.

Человек молча дрожал. Аорт долго смотрел на смертного у своих ног.

– Веришь ли ты моим словам, смертный?

– Да, да!

– Тогда знай, что я сказал тебе истину о твоём будущем. И ты не сможешь изменить ничего в своей судьбе.

Питер поднял белое от ужаса лицо. Аорт продолжил.

– Смотри, человек. Я вовсе не обязан убить тебя. Я предложил тебе дар сладкой смерти, и ведь если ты верующий, то должен верить в лучшую жизнь на том свете... – тонкие губы вампира тронула усмешка. – Но помни. Если я повернусь сейчас, и уйду искать другую жертву – то всё, что я говорил, сбудется. Ты умрёшь всего через три года, а за эти годы познаешь ад. Смерть твоя будет такой мучительной, что меня пробирает жалость даже сегодня. Итак, выбор за тобой.

Аорт молча вдыхал морозный ночной воздух. Звёзды тихо звенели над его головой, ветер ласкал холодную кожу. Глаза сверкали ледяным блеском.

– Ты... ты уйдёшь, если я скажу?.. – человек дрожал.

– Да.

– А... а если я не скажу?...

– Тогда ты познаешь величайшее из доступных смертному наслаждений.

Час спустя высокий человек в чёрном плаще вошёл в фойе небольшой гостиницы, посмотрев прямо в глаза швейцару. Тот молча протянул человеку ключи. Холодный голос разорвал ледяной покой пустого помещения.

– На один день.

За стенами человеческого дома тихо пел свою вечную песню ветер, не первый миллиард лет пытаюсь подобрать достойные слова к симфонии Тьмы.

2– В

Он плыл в чёрных глубинах океана, рассекая холодные воды могучей грудью. В океане никогда не бывает тихо, но даже вечный гомон колыбели всей жизни стихал, когда гигантский морской змей плавно скользил над скалами дна.

Он был огромен и сверкал всеми оттенками золота. Мощное тело, казалось, способно победить любые глубины – так оно и было. Красивая голова с острыми серповидными рогами равномерно двигалась сквозь тьму ночного моря, громадные глаза, похожие на драгоценные камни, не мигая смотрели вперёд.

Он плыл много дней, ни на миг не останавливаясь. Усталость была ему незнакома. Змей не спешил – его ждала вечность.

Подводные ветры, которые люди зовут течениями, ласкали его чувствительную кожу. По чешуе пробегали волны, гасящие турбулентные завихрения, свет фосфоресцирующих рыб отражался в каждой чешуйке, как в зеркале. Он был властелином океана. Впереди, в едва заметном свете луны, грозно вздымались пики подводных гор. Длинное тело змея скользило между ними, время от времени задевая скользкие склоны, вызывая камнепады. Горы знали о своём повелителе.

Змей поднялся ближе к поверхности, вознёсшись над скальным лабиринтом, словно лунная радуга над океаном. Под ним простирался затонувший материк, известный людям как Гондвана. Вокруг огромной пирамиды, вздымавшей ровные грани к зеркалу поверхности, струились потоки жизни и ощущались тысячи запахов. Впервые за много дней, змей прервал своё равномерное движение к югу.

Он долго парил в струях фосфорного света, и видевшие его трепетали от счастья – столь величественное зрелище представлял собой Великий Змей в лучах лунного света, под чёрным зеркалом вод. Но наконец могучий повелитель глубин двинулся вперёд, обратившись в беззвучно струящийся золотой луч.

Он вплыл в пирамиду сквозь широкие арки, на которых ещё виднелись древние письмена иных народов. Водоросли и анемоны, рыбы и осьминоги – все уступали дорогу королю, когда он струился сквозь них, оставляя за собой радость и благоговение.

В центре пирамиды на постаменте горела синяя звезда, освещающая огромный призматический зал мёртвым светом. В синем сиянии золотой Змей казался нереальным сверканием, иллюзией необъяснимой игры теней. Он подплыл к постаменту.

– Ты принёс вопросы, Нерей. – неживой голос мёртвого существа заставил воду слабо завихриться в спирали. Змей свернулся кольцом вокруг постамента, подняв прекрасную голову на один уровень с звездой. Он был столь огромен, что звезда терялась на фоне изумрудного сияния его глаз.

– Да, древнейший, я принёс вопросы.

Мёртвое существо ничего не ответило. Минутой молчания спустя, Змей спросил:

– Кто я такой?

– Бог подводного царства. – ответ последовал сразу.

– Что означает понятие бог?

– Бессмертное и всемогущее существо, способное создавать.

– Тогда я не бог. Ведь я не всемогущ.

– Понятие абсолютно лишь в определении. Тот, кто ближе всего к идеалу – может называть себя так. Ты ближе всех.

– Я не могу создавать.

– Ты создаёшь не материю.

– А что?

– Дух глубин, способный влиять на смертных.

Нерей помолчал.

– Зачем? – в этом вопросе слышалась печаль.

– Затем, что не будь этого духа – и многие смертные лишились бы надежды, приняв смерть.

– Вот второй вопрос, который я хотел задать. Почему я несу смерть?

– Ты несёшь жизнь.

Змей внезапно ощутил гнев.

– Древнейший, не уходи от ответа. Я питаю свою жизнь смертями других, и в то же время я неспособен дать жизнь даже своему потомству, ведь я один. Так о какой

жизни ты говоришь?

– Ты несёшь жизнь жертвам своих жертв. Разве это не так?

Нерей глубоко задумался.

– Но разве хищник и жертва не равно хотят жить? Разве они не равны в своём праве бороться за жизнь?

Звезда долго молчала.

– Я не могу ответить на этот вопрос, Нерей. Я никогда не жил.

Змей помолчал.

– Кто же ты?

– Я – собрание знаний и эмоций своих создателей. Я не существо. Я лишь смесь небольших частиц от многих существ. Все они мертвы уже тысячи лет. Я никогда не был живым, хотя и я могу умереть.

– Тогда дай мне ответ на главный вопрос, который мучает меня много лет.

Звезда немного умерила яркость.

– Нерей. Я знаю ответ на твой вопрос. Но хочешь ли ты услышать его? – голос звучал тихо.

Змей долго молчал.

– Уже нет.

Он неуловимым движением развернул кольца к выходу, и замер при следующих словах древнейшего.

– Великий Змей – один. Бессмертных владык Тьмы – трое.

Нерей быстро повернул изумрудные глаза к постаменту, озарив его неземным светом отчаянной надежды одинокого.

– Что?

– Один из вас король ночей. Он правит тьмой, неся лишь смерть. Второй парит на небесах, пылая яростью очей. Стихии тьмы подвластны вам; несёт симфонию небесам один вампир, один дракон, но ноты все не знает он. Есть третий – тот, кто в темноте пылает яростней огней; он сомневается во Тьме, но даже он не знает дней. Царит он там, откуда жизнь распространилась по земле, и только он способен дать симфонии Тьмы мелодию дня. Пока вы врозь – симфонии нет, как нет единства под луной. Объединившись, три царя услышат пение одной. Вы знаете имя

для неё; она дала вам жизнь и власть. Вложила холод в одного, второму подарила страсть. Избрала третьему судьбу, достойную воспетой быть, но мудрость Змей постигнет сам – и сможет двух освободить. В тот миг, когда увидит Тьма, что дети научились жить – она вернёт вам знание дня, и вы научитесь любить. Владетель ночи в смерть уйдёт, она ему жена и дочь, и никогда не сможет он свои инстинкты превозмочь. Владыка неба может стать одним из властелинов Тьмы, и в рабство мать свою вогнать, и победить, и проиграть. А может он огонь познать, и солнцу бросить в небо гнев, и проиграть – но навсегда остаться властелином сфер. И третья возможность есть; от Змея мудрость примет он, придав огню своей души неистовство океанских волн. Два повелителя Земли. Владыки моря и огня. Одна душа, и мать одна. Покой от неба и до дна. Запомни, Змей – тебе решать. Ты дирижёр симфонии Тьмы. Покой навек – или война; огонь и солнце – или Тьма!

Ледяное течение окутало пирамиду древних, и золотая струя выплыла из широкого проёма непостижимо древних ворот. Нерей медленно всплывал к чёрному зеркалу, рассекая тьму воды сверканием золотого света. Он размышлял. Мудрость – в этом была сила Великого Змея, именно это имел в виду древнейший.

Зеркало с плеском приняло в себя могучее тело, огромная голова поднялась высоко над поверхностью океана, наполняя воздух изумрудным сиянием глаз, похожих на драгоценные камни. Нерей задумчиво смотрел на волны.

3– В

Он мчался в невидимых облаках, пронзая плоть небес собой, словно копьём. Его окружал ледяной холод непостижимой высоты, тьма боялась своего сына, расступаясь перед огнём его глаз. Мёртвую тишину нарушал только стон умирающего воздуха, который сминали, закручивали в вихри и рвали на части могучие крылья.

Он сверкал серебряным светом, словно неведомо как протянувшаяся в небо лунная дорожка. Самое красивое существо из всех возможных и невозможных, дракон был великолепен, когда мчался в тишине ночного неба, заставляя луну стыдиться своего несовершенства. Сверкающие стальные рога со свистом

препарировали ткань неба, соперничая в остроте с ланцетом хирурга. Могучий хвост довершал операцию, сшивая края раны гребнем стальных игл, похожих на столь любимые драконом горные пики. Его бриллиантовые крылья отливали неземным сиянием, изумительная красота гармонировала с грозным обликом хищника. Пылающие рубиновые глаза словно рассказывали встречным об имени своего хозяина, но встречных быть не могло. Огромный дракон парил в небесах один.

Он мчался на юго– восток уже много дней. И хотя спешить ему было некуда – ведь их всех ждала впереди вечность – дракон летел быстро. Так диктовал ему темперамент, дракон был рабом своих эмоций. Ветры в ночном небе уступали ему дорогу, звёзды провожали своего повелителя восхищённым звоном. Отблески луны на крыльях пели об их мощи, воздух возносился ввысь, согретый яростным пламенем глаз. Дракон повелевал небом.

Впереди вставали грозные кряжи скал, словно бросающие вызов неистовству сына неба. Они не знали что их владыка, ветер – всего лишь раб для дракона. Он смеялся над наивностью гор, проносясь над ними лунной молнией, испарывая вечный покой древних ущелий горячей энергией молодой крови. Дракон был молод, хотя и не знал этого. Перед ним встал во весь рост властелин гор – самая высокая скала в мире, могучий пик, покрытый снегом. Смерчи завывали вокруг его отвесных склонов, ни одна птица никогда не осмеливалась бросить вызов непобедимому воину. Дракон рассмеялся.

– Я повелитель неба!

Он взмыл над тучами, расколов величие гор своей энергией, одержав абсолютную победу над противником – он не мог иначе! – и впервые за много дней полёта замер, распластав бриллиантовые крылья горизонтально.

На небольшом плато, под самыми тучами, ютился небольшой домик, в окнах которого тускло горел свет. От дверей к подножию спускалась оледеневшая лестница, а рядом с домом примостился маленький сарай. Дракон ощутил запах добычи, он был голоден.

Снег с шипением испустил дух, коснувшись разгорячённой чешуи. Моментально сложив крылья, их обладатель грациозным движением оказался возле домика. Ему пришлось склонить голову, чтобы взглянуть в окно.

Там пылал камин, в глиняном горшке варилась еда. У стола из грубых необструганных досок стоял простой деревянный стул, и на нём сидел старик. Дракон с любопытством оглядел дом человека – ему редко доводилось встречать их раньше.

Старик был одет в длинное серое одеяние, на левом плече застёгнутое грубой булавкой. На голове совершенно не было волос, но с подбородка до пояса спускалась белая как снег борода. Узкие глаза были закрыты, старик смотрел в камин, но видел ли он огонь – дракон не знал.

Могучий владыка небес повернулся к сараю. Оттуда слышались панические крики животных, чувявших свою смерть. Дракон ощутил радость предвкушения.

– Не надо. Я накормлю тебя.

Рубиновый пламень глаз вырвал из тьмы маленькую фигурку, отважно смотревшую прямо на дракона. Старик не боялся его. Дракона это так заинтересовало, что он решил обождать с охотой.

– Что можешь ты предложить мне, человек? – спросил он, стараясь умерить голос, дабы не лишиться смертного слуха.

– Нечто лучшее, чем убийство. Входи.

Дракону было интересно. Он протиснулся в дом, заняв почти половину всего помещения. Свернувшись возле огня, он посмотрел на вновь занявшего своё место старика.

– Меня зовут Вулкан. – несмотря на старания, стены дрожали от мощи его голоса. Старик улыбнулся.

– Меня зовут Лунг Цзы, что значит «учитель– дракон».

Вулкан растянул губы в улыбке.

– Ты не дракон, человек.

– Мы те, кем являемся в душе. Тело значит очень немногое.

– И что же в тебе от меня?

– Способность видеть мир с высоты.

Дракон улыбнулся шире.

– Ты не видишь отсюда мир, человек. Тучи закрывают тебе обзор, ты не властен взлететь над ними, ощутив гармонию неба и земли всей душой.

- Тело моё не властно, ты прав. Дух мой давно летает над миром.
- Что ты подразумеваешь, говоря «дух»?
- Дар мысленного познания реальности. Люди зовут меня философом.
- И что видит твой дух?
- Тьму.

Вулкан рассмеялся и дом едва не рухнул от его смеха.

- Для этого не надо быть философом.
 - Да, Тьму видит любой. Но многие ли видят способ победить тьму?
- Дракон серьёзно посмотрел в глаза старику.

- А зачем, человек?

Лунг задумался. Тем временем Вулкан поудобнее устроился у камина, положив огромную голову на свои руки. Пылающие глаза сверкали на серебряной чешуе, как капли крови на луне.

– Очень хороший вопрос, дракон. – признал наконец старик. Вулкан не ответил, и Лунг продолжил.

- Скажи мне, в чём основное отличие тьмы от света?

– Я отвечу тебе цитатой одного великого дракона, человек. Я не знаю, откуда помню эти слова – ведь кроме меня драконов нет. Но я уверен, это сказал дракон. Слушай.

Вулкан закрыл глаза, и в доме сразу стало темней.

– «Тьма милосердна. Когда ты во тьме – ты волен представлять себя в винограднике грёз. Свет может показать камеру палача».

Лунг Цзы откинулся на стуле, с удивлением посмотрев на дракона.

- Интересная цитата.

- Разве он ошибался?

– С одной стороны – нет. Но подумай, ведь в данном случае милосердие выступает в качестве самообмана.

Теперь задумался Вулкан.

– Тем не менее я считаю, что, если ты не в силах изменить свою судьбу – о ней лучше не знать.

Старик кивнул.

– Умное решение. Но разве ты, дракон, способен смириться с судьбой?

Вулкан встрепенулся.

– Я повелитель своей судьбы, а не слуга!

– Тогда ответь, почему ты мечешься по миру в поисках ответов на вопросы?

Дракон промолчал. Лунг улыбнулся.

– Не потому ли, что ты чувствуешь неудовлетворённость своей судьбой одинокого дракона?

Вулкан поднял взгляд горящих глаз на старика.

– Возможно, ты прав. Но это не зависит от меня. Чтобы определять свою судьбу не требуется всемогущества. Достаточно лишь не отступать, когда есть шанс схватить удачу за рога. Тогда ты сможешь сказать себе – «я сделал всё, что мог». И даже проиграв, ты победитель.

Старик сцепил руки на груди, глубоко задумавшись. Вулкан глядел в огонь. Очень долго никто не прерывал тишину, и только потрескивали дрова в камине.

– Когда я смотрю в огонь... – и Лунг Цзы поднял голову – ... я часто думаю, почему он готов пожрать всё на свете. Он живёт только убивая, он поглощает материю, превращая её в энергию. Огонь – хищник от рождения до смерти. Он воплощённая смерть, он – реакция разрушения. Огонь не может создать ничего, кроме тепла. И ценой этого тепла служит неизмеримо более сложная и превосходящая его материя, дерево. Живая материя. Плоть.

Старик молчал.

– Тогда я сравниваю себя с огнём. Мы братья. Мы хищники, мы несём смерть. Мы поглощаем жизнь, питая себя смертью других. Мы оба пылаем энергией, в основе которой лежит разрушение. Мы оба не в силах обуздать свою ярость, и разбушевавшись, способны уничтожить весь мир. Как он несёт тепло, единственную пользу для других – так и я несу красоту, но красота эта питает себя смертью. – Вулкан сурово вздохнул. – Вот та судьба, человек, которую я не в силах превозмочь. Человек помолчал.

– Ты очень умён, Вулкан. Но ты ошибаешься. Да, огонь – суть разрушения. Да, он живёт убивая. И в этом вы похожи. Но ты не прав, говоря о невозможности огня творить. Смотри!

И в сумраке хижины сверкнула молния серебристого света, с дрожанием застыв перед огненными глазами дракона. Вулкан невесело усмехнулся.

– Меч.

– Рождённый в огне!

– Символ войны.

Старик замер. Со страшной тоской посмотрел он на свои руки, и яростно метнул оружие в стену.

– О, как мог я позабыть всё, чему учил... – Лунг Цзы схватил себя за голову, качаясь от горя. Дракон печально закрыл глаза.

– Человек, ты стар.

– Да. Я скоро умру.

– Ты скоро умрёшь, и навсегда унесёшь свои ошибки и победы во тьму.

– Да.

– А я не властен умереть. Я буду жить вечно, питаюсь жизнями, неся только разрушение. Я – вечный огонь.

Старик опустил на стул, внезапно ощутив груз всех своих лет.

– Вулкан... Но ведь все мы обязаны огню – жизнью!

Дракон открыл глаза, осветив холодную хижину пурпурным пламенем.

– Объясни.

Лунг Цзы вскочил, с торжеством вскинув иссохшие руки к хмурому небу.

– Солнце! Огонь дал жизнь всем нам, он отец наш!

Дракон широко открыл глаза.

– Солнце?..

– Да! Оно – не разрушает! Оно только даёт жизнь! Оно – первопричина жизни, Вулкан! Огонь дал всем нам жизнь!

Вулкан с тоской улыбнулся.

– Старик, старик... Ты ведь не знаешь, что такое звезда. Я знаю. Звезда – апофеоз разрушения! Звёзды пожирают сами себя, в неистовой ярости ломая самую ткань пространства. Они слишком далеки от оазисов жизни, чтобы те почувствовали смертоносную красоту плазмы. Но тепло летит далеко... Жизнь сумела возникнуть на остатках торжества смерти. Вот что такое жизнь. И знай, что все звёзды – смертны!

Дракон резко вышел из опустевшего дома, оставив старика в отчаянии ломать руки. Он поднял непостижимо прекрасную голову к тёмному небу, и испустил бешенное рычание хищника, попавшего в западню.

– КТО??!!! – вопль Вулкана взорвал покой ночи, как извержение ярости.

– Кто сделал мир таким?!!!

– Кого мне убить во имя жизни всех, предназначенных на закляние у алтаря смерти?!!!

И он ясно услышал ответ.

«Себя».

Дракон гневно возразил:

– Это бегство от решения!

«Тогда найди того, кто сможет дать ответ»

– Кто ты такой?

«Тот, кто не может тебе ответить»

– Кто же сможет?

– «Великий Змей».

– Где мне его найти? И кто он?

Голос некоторое время молчал.

– «Покой глубин хранит змея. Океан ей дом, моря – родня. Великий Змей живёт в воде, подобен золотой звезде, он Солнца сын и дочь он Тьмы, хранит он тайны словно мы, но тайны те не знает он, он сердцем чист, он – знания трон. Никто не знает, даже Змей, откуда мудрость у него, но знают все, что он – не сон. Он Змей. Ответы знает он. Ты полетишь навстречу тьме, оставив солнце за спиной, пока не встретишь в темноте дорогу, полную луной. Ты полетишь вдоль блеска звёзд. Осилишь море – даст ответ. Так как, достаточно ты горд? Смотри, потом не скажешь «нет»!»

Вулкан молча смерил взглядом могучие уступы, тёмные тучи, холодные ледники и горящие вечным жаром звёзды.

– Рискнуть всем этим?.. – прошептал дракон, и более не колеблясь, взвился в воздух, в очередной раз доказав своё превосходство. Он мчался на запад, оставляя Солнце за спиной, и всё более ускорял свой полёт. Его ждала победа – или смерть.

Иначе он не мог.

1,3– И

Они охотятся на меня уже много дней. Сотни людей идут по моему следу, вертолёты выслеживают меня, танки скрежещут гусеницами, словно зубами. Я иду по горам, вдыхая ночной воздух, и слушаю пение звёзд. Я не спешу. Я никогда не спешу.

Сегодня я не пойду на охоту. Не потому, что опасно – смертные бессильны против меня. Сегодня я жду нечто иное. В этих горах я встретил орла. Он долго смотрел на меня с утёса, потом слетел вниз, и сел на дороге.

– Ты смертный? – спросил меня орёл.

– А ты? – ответил я ему.

– Я – да.

– Я – нет.

Он кивнул, словно не сомневался в этом.

– Ты одинок. – он не спрашивал, он утверждал.

– Можно сказать и так, птица. Но я имею всё это! – я распахнул руки, охватив ими Вселенную. Орёл некоторое время не отвечал.

– У меня есть друг. – наконец произнёс он с трудом.

– Да?

– Он несчастен.

Я с сожалением коснулся его блестящих перьев.

– Прости, но я не властен дарить сладкую смерть орлам.

Он яростно затряс головой.

– Нет! Ты не понял. Он тоже бессмертен. И одинок.

Я внезапно ощутил жар, словно выпил крови.

– Кто он? Он... Он как я?

– Нет. Он дракон. Имя ему – Вулкан.

Я много читал о драконах. Но никогда не думал, что встречу хоть одного. Не

думал, что они существуют.

– Где он?

– Сейчас его здесь нет. Но я чувствую, он скоро вернётся. Вернётся ещё более несчастным. И я подумал... Может, вместе вы сумеете постичь счастье? Ведь ваша доля, вечное одиночество... Это плата за власть. Я прав, не так ли?

Я удивился словам этого орла.

– Возможно. Никогда не думал об этом. Я дождусь его, орёл.

Он кивнул и растворился во тьме. Надо было узнать его имя.

И вот, я иду по ночным горам. Запахи будоражат мою кровь, холодный ветер ласкает мою кожу. Я люблю холод. Вчера ночью я обнаружил дом дракона. Большая пещера на отвесном склоне самой высокой горы. Я не смог туда залезть, и долго смотрел. На фоне тёмного склона, отверстие выглядело дырой в абсолютный мрак, словно сама Вселенная здесь нанесла себе страшную рану. Я всю ночь просидел у подножия скалы, вдыхая странный, горько– сладкий запах дракона, и пытаюсь представить себе нашу встречу.

Сейчас я смотрю на восток, и слышу далёкий гром. Слышу я не ушами – впервые во мне проснулось нечто, о чём я не имел ни малейшего понятия. Дракон уже близко. Я внезапно понимаю, что с нетерпением жду встречи. Это меня удивляет. Нетерпение, спешка?... Ночь кричит, убиваемая свистом сверкающих крыл. Как он прекрасен! Он похож на сон. Я смотрю на огромного дракона, пытаюсь убедить себя, что не сплю. Это тоже меня настораживает – я не вижу снов. Дракон садится на камни и идёт к пещере. Не обращает на меня внимание.

– Доброй охоты.

Он поворачивает сотканную из лучей луны голову ко мне, и я понимаю, почему его зовут Вулкан. Правильнее было бы назвать его Два Вулкана.

– Доброй охоты и тебе, человек. Что ты делаешь ночью в горах?

– Я не человек. Меня зовут Аорт, я бессмертен.

Он замирает, медленно поворачивается ко мне полностью. Я потрясён, сколь непостижимой может быть красота. Отныне я никогда не увижу ничего более прекрасного. Жаль.

– Что ты сказал?

Иду навстречу, касаюсь сверкающей брони.

– Я вампир. Мне сказал один друг о тебе. Ты одинок, как и я. Мы могли бы стать друзьями.

Дракон долго смотрит мне в лицо.

– Ты понимаешь, что я такое? – медленно и печально. Я киваю.

– Ты дракон.

– Я смерть.

– Я дьявол.

Он улыбается.

– Как вижу, мы оба в достаточной степени претенциозны.

Я тоже улыбаюсь.

– Как же долго я ждал...

Потом вихрь, тепло, жар, странное чувство в груди, словно у меня появилось сердце, но у меня нет сердца... Потом огонь, пещера. Тёплая кровь антилопы. Вулкан долго молчит, наблюдая за пламенем.

– Кто сказал тебе обо мне, Аорт?

– Я встретил в этих горах орла...

Он вздрагивает.

– Ты тоже?..

Я молчу, понимаю. Мы одновременно произносим:

– Надо узнать его имя.

И смотрим друг на друга. Вулкан подбрасывает полено в костёр.

– Завтра я улетаю на поиски последнего бессмертного нашего мира.

Я слушаю симфонию Тьмы.

– Кто он?

Дракон тоже её слушает.

– На краю света некто сказал мне о Великом Змее, владыке океанов. Он знает ответы на все вопросы.

– Даже на наш?

Вулкан не отвечает. Следующим вечером я просыпаюсь первым. Стою у края пещеры, и внезапно меня пронзает такая тоска, что холод космоса кажется мне жаром

Солнца. Я чувствую холодные льдинки, ползущие по лицу. Они падают на камни, разбиваясь на мириады звенящих слезинок. Подходит Вулкан, и мы долго смотрим, как Солнце опускается за горы. Как Тьма возрождается. Я слышу могучую увертюру к наступающей ночи. Я чувствую восторг. Я был не прав, говоря, что повелеваю Тьмой. О нет...

– Мы принадлежим Ночи. – тихо произносит дракон. И я понимаю, сколь близок он мне, раз понял.

– Я принадлежу Тьме, я принадлежу ветру, я принадлежу звёздам.

Он словно заклинание повторяет мои слова. Но нет, не мои...

– Я принадлежу Тьме, я принадлежу огню, я принадлежу небу. Я дитя всех стихий.

Он прав. Он могущественней меня.

– Вулкан, мы летим сейчас.

Дракон медленно поднимает глаза.

– Аорт, я должен сказать тебе ещё кое-что.

И он говорит. Я молча внимаю пению сфер, которые некогда считал подвластными себе.

– Вулкан, я всё равно полечу. Смерть мы знаем в совершенстве. Дадим ей шанс узнать нас.

Он повторяет мне последние слова того голоса.

– Я не отступлю.

И мы вонзаемся в ночь, подобно клинкам из чёрной стали. Я никогда не летал. Это оказалось очень приятно.

– Ты холодный как Ночь, Аорт. – говорит мне дракон, набирая скорость.

– Ты горячий как Солнце, Вулкан. – отвечаю ему я.

Пение звёзд поглощает нас, мы вливаемся в Симфонию Тьмы, мы растворяемся в ней, становясь двумя нотами в бесконечном концерте. Мне не хочется возвращаться.

2,3,1– II

Я неподвижно парю. Я с огромной скоростью не двигаюсь. Я молча кричу. Я смотрю на звёзды, закрыв глаза. Я сплю, размышляя. Сегодня я впервые остался на поверхности, когда вошло Солнце. Я едва не ослеп, столь невероятное сияние заполнило океан, когда моя чешуя засверкала в лучах светила. Мне пришлось нырнуть на несколько метров. Я слышу симфонию Тьмы, купаясь в сиянии.

– Ты впервые увидел Солнце? – знакомый дельфин описывает вокруг меня фигуры, радостно треща на своём языке. Я улыбаюсь ему.

– Да. Я никогда не предполагал, сколь оно прекрасно.

– Тогда почему бы тебе не сменить образ жизни? – дельфинов уже много, они играют в светлой воде, наполненной моим сиянием.

– Я... Я никогда не думал об этом.

Он весело смеётся.

– Никогда не поздно начать жить!

Внезапно все дельфины замирают. Мой знакомый молча слушает давно замеченный мною тихий стук, и сурово добавляет:

– И неизвестно, в какой момент за тобой придёт смерть.

Я ощущаю тревогу. В музыку света вливается странная, неживая нота, словно Древнейший лично явился посмотреть на наш праздник. Я размышляю, не связана ли тревога моих друзей с маленьким кораблём людей, плывущим в нашу сторону.

– Великий, тебе лучше нырнуть поглубже. – предупреждает молодой дельфин, тревожно выпрыгивая из воды.

– Что происходит?

– Люди плывут на охоту.

Я начинаю понимать.

– Они охотятся на вас?

– Они охотятся на всех.

Симфония океана внезапно становится резкой, неприятной для слуха. Тревога моя растёт, я приближаюсь к дельфинам.

– Могу я вам помочь?

Знакомый дельфин резко отвечает:

– Нет. Прошу, ныряй. Это опасно.

Я смотрю на корабль. Он намного меньше моей головы. Плыву навстречу. Дельфин бросается наперерез.

– Великий, не на...!

Я слышу неприятный звук, и я в крови. Вокруг меня кровь, вопли, боль и смерть. Я вижу, как умирает дельфин. Я так и не узнал его имени. Во мне подымается непривычное чувство, я никогда не испытывал его раньше. Я первый раз в жизни хочу убить.

Корабль с треском разваливается на части, когда я раскусываю его корпус. По голове больно ударяют маленькие предметы, я впервые вижу свою кровь. Она золотая. Крови очень много, мешает видеть. Куски металла тонут, отравляя сверкающие волны неприятным запахом смерти. Много людей барахтается в воде, они продолжают бросать в меня маленькие предметы. Я ищу своего дельфина. Его поддерживают два товарища, он истекает кровью. Я тоже, но он умирает. Мы смотрим друг на друга. Он намного меньше моего глаза.

– Я пытался... – голос едва понятен. Я хочу найти способ спасти его, но не могу. Замечаю, как остальные дельфины начинают спасать людей. Вода вокруг меня становится более солёной, чем обычно. Никакой музыки не слышно.

– Ты пытался...?

– ... объяснить... когда ты... убиваешь добычу... она не умирает... она продолжает жить в тебе... ведь смерть, несущая жизнь... не полная смерть... так было всегда... это не зло!

Я не понимаю, почему вода такая солёная. Она почти перестала быть прозрачной, она наполнена золотой жидкостью, и эта жидкость очень солёная. Но не кровь. Я странно чувствую себя. Дельфин умер. Его товарищи спасают тех, кто его убил.

Медленно плыву прочь. Вспоминаю слова Древнейшего, о том, что я бог. Мне становится очень плохо, но сравнивать не с чем. Сегодня я потерял друга. Я парил рядом с ним, и не мог спасти.

Теперь я совсем одинок. У меня больше нет друзей. Впервые я понимаю, что чувствуют друзья моих жертв. Они так же смотрят на смерть друзей, не в силах спасти их. Отныне я никогда не смогу убить никого. Кроме себя. Музыка моря не слышно.

Думаю над этим вопросом. Друзей у меня больше нет. Никто не испытает горя, наблюдая мою смерть. Но многие испытают радость. Ведь я не смогу больше убивать тех, у кого есть друзья. Решение принято.

Вода очень твёрдая, если плыть сквозь неё быстрее звука. Я плыву по поверхности, поднимая пенные волны до туч. Симфония Океана пропала навеки, я оглох.

Далеко впереди остров, над ним бушует пламя. Вулканы. Вечные враги морей. Непримиимые борцы за огонь. Создатели суши. Могилы для Змеев.

Кто-то кричит. Я замечаю странную птицу, которая садится мне на голову. Она большая, в три раза больше дельфина. Почти как мой глаз. Если я сейчас прыгну в вулкан, птица может не успеть взлететь в воздух. Я сворачиваю с прямой, останавливаюсь.

– Покинь меня, я должен сделать важное дело.

Птица прыгает на мою верхнюю челюсть, перед глазами. Теперь я вижу, что это не птица. Похоже, она имеет некоторое отношение ко мне – я ясно различаю блестящую серебряную чешую, прямые рога на очень похожей на мою голове. Четыре мощные ноги, и огромные сверкающие крылья, почти с мою голову шириной. Это тоже змей, только летающий и маленький. Но очень красивый. Глаза у летающего змея красные.

На спине сидит человек в чёрном. Я смотрю на них, и размышляю о причине такого поведения. Они должны были бы испугаться меня.

– Приветствуем тебя, Великий Змей. – почтительно говорит летающий родич.
– Я Вулкан, единственный в мире дракон, а это...

– Аорт, единственный в мире вампир. Мы бессмертны, как и ты.

Вспоминаю пророчество Древнейшего. Так вот каковы они...

– Я рад встретить вас. Но вы ошибаетесь. Я вовсе не бессмертен.

Они кажутся мне удивлёнными.

– Но разве ты не Великий Змей?

– Так звали меня друзья, пока я их имел. Сам я называю себя Нерей.

Молча смотрят мне в глаза.

– Тогда...

– Вы помешали мне. – объясняю. – Я плыл к острову, желая умереть. Прошу, покиньте меня – я не хочу подвергать опасности никого.

Всё ещё молчат.

– Почему?

Я смотрю на вулкан, потом на Вулкана. Разве смогут они понять меня?

– Я потерял иллюзии.

Удивительно, но они поняли. Чувствую острое сострадание от дракона и жалость от вампира.

– Не только ты, друг... – дракон осторожно гладит крылом мой рог. Рог намного больше дракона. Он назвал меня друг?..

– У меня нет друзей. Единственный погиб на моих глазах три часа назад. – рассказываю. Не понимаю, зачем я это делаю.

Они слушают внимательно. Смотрят друг на друга. Потом вампир садится на мой нос, и долго молчит. Дракон лежит рядом. Я жду. Я никогда не спешу.

– Мы летели к тебе так долго, что едва не рухнули в океан. – начинает Аорт.

– Я облетел полмира, чтобы узнать про тебя. – продолжает Вулкан.

– Я осознал всю тщетность своего существования, и решил задать тебе вопрос о смысле жизни.

– Но по дороге к тебе мы встретили друг друга, и стали друзьями.

– Так почему ты решил порвать счёты с жизнью именно тогда, когда и у тебя могут появиться друзья?! – вампир сжимает кулаки. Я думаю над их словами.

– Потому, что дружба не даст мне забвения. И не научит, как жить, не убивая.

Дракон падает в воду, вылезает. Он так изумлён, словно я исчез.

– Но... но... но это и есть вопрос, который мы хотели задать!!! – теперь не изумление, а отчаяние. Я хорошо его понимаю. Вампир молчит.

– Если вам сказали, что я знаю ответ – с вами очень жестоко пошутили. А сейчас покиньте меня. Я намерен умереть. И я не хочу брать вас с собой. Вы не

потеряли иллюзий, раз до сих пор живы.

Я слышу тонкую мелодию, непохожую ни что предыдущее. Аорт и Вулкан улетают, я плыву вперёд. Сверкает Солнце, мелодия набирает силу. Я разгоняюсь. Мелодия гремит, торжествует. Она сотрясает Вселенную. Волны и звёзды, океаны и горы, леса и реки, небо и земля – всё вползает в мощнейшую Симфонию! Мир трепещет, слыша музыку сфер! И в последний момент перед гибелью я наконец понимаю, что слышу –

3,2,1– И

– Он погибнет! – Я в отчаянии смотрю на пенный след невероятного живого существа, стремящийся к островам на горизонте.

– Он сделал свой выбор. – Аорт совершенно неподвижен.

– Ты слышал его последние слова?

Мой друг медленно переводит на меня взгляд.

– Вы не потеряли иллюзий, раз до сих пор живы.

Я взмахиваю крыльями, воспаряя над морем, бросая вызов Солнцу. Я слышу тихую мелодию, ни на что не похожую.

– Я потерял иллюзии.

Аорт молча закрывает глаза. Я набираю скорость.

– Я тоже.

Мелодия набирает силы с каждой секундой. Она гремит, заставляя небеса сотрясаться от звуков, она вбирает в себя всю Вселенную.

– Ты слышишь, друг?! – мне приходится кричать.

– Да! Я знаю, что это!

Мне не интересно, что это. Я лечу к вулканам. Я последний раз пронзаю воздух копьём своего тела. Я растворяюсь в музыке. Она заполняет меня, сжигая боль и горечь, последний раз наполняя сердце ликованием от сознания силы. Я – симфония Неба! И перед тем, как нырнуть в пламя своего прародителя, меня пронзает понимание. Я, дракон, слышу

1,2,3– И

Я смотрю на летящие мне навстречу огненные деревья. На небе сияет Солнце, вокруг меня сверкают мириады бриллиантов – крылья Вулкана. Он прав, иллюзий больше нет. В этом мире без нас будет лучше. По крайней мере без меня – точно.

Я слышу странную мелодию, ни на что не похожую. Она наполняет меня, усиливаясь с каждым мгновением. Скоро я не слышу ничего кроме торжествующей симфонии, от которой содрогается мир, которая вплетает Вселенную в свой узор. Я слышу... Я слышу!!!

Я кричу Вулкану, что понял, но он не слышит. Острова уже близко. Вижу невообразимо огромную золотую змею, парящую в воздухе. Мир словно замирает, внимая сокрушительной музыке, я кричу!

И у меня замирает сердце. Да, у меня замирает СЕРДЦЕ, когда я понимаю, что же я слышу. Иллюзий больше нет, и мы впервые с начала времени слышим подлинную –

1 – И

Симфонию Тьмы!

И я прыгаю в горячую мглу вулкана, наслаждаясь музыкой.

2 – И

Симфонию Тьмы!

И я ныряю в недра вечного врага моря, наслаждаясь музыкой.

3 – И

Симфонию Тьмы!

И я влетаю в пламень прародителя огня, наслаждаясь музыкой.

0 – В

...И создал Он существ по образу своему и подобию своему. И сказал им: плодитесь и размножайтесь.

Чтобы Я мог вас убивать, получая от этого удовольствие.

И стало так.

И был день, и была ночь. Век 21–ый.

И тогда оглядел Он мир, тонущий в крови, мир, где чувствующие умирали для Его развлечения, где охотились на драконов и истребляли вампиров, где гарпунили змеев и ловили дельфинов, где из перьев орлов набивали подушки а детей обучали как пользоваться пушкой, где героем зовут истребителя рас, где не любят показывать войну без прикрас, где чудовища крестят водою детей, не показывая плёнку крови на ней...

И оглядел Он этот мир, и увидел –

Хорошо весьма.

Сон.

Сегодня я иду на охоту.

Я встаю со старого дивана, и тонкий скрип несмазанных пружин отдаётся в моей комнате стоном. Я открываю окно. Ветер врывается в квартиру, вздымая занавески словно драконьи крылья, которых у меня нет и никогда не будет. Поэтому я люблю убивать драконов. Нежно опрокидываю коробку с дисками над рукой. Она не открывается. У меня в руках она никогда, никогда не открывается с первого раза.

Вытаскиваю сверкающий золотой диск, он блестит в лучах 600-ватной лампы «Бакинский электрокомбинат» подобно чешуе мифического морского Змея. Которого я никогда не увижу – поэтому я люблю убивать Змеев. Снимаю с суперкомпьютера чехол из чёрного бархата. Он только сверху чёрный, снизу он ярко-красный, словно плащ вампира... Вот только реклама Кока-колы портит иллюзию. Вампиры свободны от тирании денег, они никогда не носят их с собой – и я, которому всегда не хватает на жизнь, люблю убивать вампиров. Я медленно опускаю диск в кэдди, и с тихим рычанием молодого дракона компьютер глотает отравленную приманку. Я властелин компьютера, я бог в его мире. Сегодня я иду на охоту.

Запускаю старую, очень старую игру DOOM. Не спеша очищаю пыль с картинки на диске. В музыкальном центре стоит саундтрек «Бессмертных», но я его не включаю. Там, в финале, музыка стала иной. БОЖЕСТВЕННОЙ. Я никогда не услышу ничего прекраснее. Жаль.

Одеваю шлем, костюм. Ветер ласкает мою кожу, столь не сверкающую. Выпиваю банку «Коки», и захожу в павильон. В руках винчестер, тонкий кабель тянется к поясу. Вдыхаю аромат горячего гетинакса. В ушах звучит тяжёлый рок, симфония смерти. Я отключаю компьютеры от сети, вырываю телефонные провода из стен, закрываю все замки. И опускаю на глаза очки. Сегодня я иду на охоту.

Я ЛЮБЛЮ НАЗЫВАТЬ СЕБЯ ДЬЯВОЛОМ.

Конец.

Эпилог от виртуального автора.

Ночь царит над морем. Тьма царит над ночью. Мрак парит над миром. Свет воюет с Тьмою. Те, кто смотрят сверху – часто замечают, что на самом деле – все рассвет встречают. В час, когда над миром, свежий после ночи, крылья расправляет – свет, несущий имя; в час тот понимают, что совсем неважно, кто и где пророчит, кто и с кем играет. Те, кто понимают – те живут прекрасно. Им совсем нет дела, им ведь не опасно! Правда – это больно. Правда – не блистает. Им не надо правды – мир ведь не

растает. Разве важны крики, что иллюзия гибнет? Дети, не читайте. В сказках правды нет.

Лучше посмотрите, новые игрушки! Кнопку нажимаешь – БАХ! И нет зверюшки. Симулятор спорта. Новый хит сезона! Электро–охота, дайте нам патроны! Да, картинка правда, выглядит похоже... Интеллект добавлен, алгоритмы, кожа... Электрозверюшка чувствует все пули. Ну и что? Красиво! Ну, они загнули! Бах! И динозавр с воплем кровь глотает. Бах – и птеродактиль в крестике мелькает. Это просто классно! Не игра – конфетка. Суперускоритель, вижу тень от ветки! Я хожу по лесу. Я держу базуку. Монстры, подходите! Дайте набить руку.